

Ю.А. Нисневич

*д.полит.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ В МУСУЛЬМАНСКОМ МИРЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию и анализу влияния политического ислама на политическую ситуацию в мусульманском мире. Показано, что влияние политического ислама в поле политики мусульманского мира носит ограниченный характер, но не следует недооценивать влияние террористической деятельности радикальных исламских группировок и организаций. Радикальный, традиционный и умеренный политический ислам непосредственно оказывает влияние на политическую ситуацию только в тринадцати исламских государствах со стабильными правящими режимами, а также в светской Турции. При этом во всех этих государствах, кроме теократических исламских диктатур — Афганистана и Ирана, а также эмирата Катар, власти жёстко подавляют любые проявления радикального политического ислама. В двадцати квазиисламских и светских мусульманских государствах политический ислам значимого влияния на политическую ситуацию и процессы не оказывает. В отдельных государствах этой части мусульманского мира власти вынуждены вести активную борьбу с трансграничной террористической деятельностью радикальных исламских организаций. Почти в четверти государств мусульманского мира политическая ситуация в настоящее время нестабильна, что не позволяет в полной мере адекватно оценить влияние политического ислама в этих государствах.

Ключевые слова: *политический ислам, мусульманский мир, исламские государства, квазиисламские государства, светские мусульманские государства, радикальные исламские организации.*

JEL: F02, F50, F54

УДК: 321, 327, 339.9

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_121_141

© Ю.А. Нисневич, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Нисневич Ю.А. Политический ислам в мусульманском мире // Вопросы теоретической экономики. 2024. №1. С. 121–141. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_121_141.*

FOR CITATION: *Yu. Nisnevich. Political Islam in the Muslim World // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 1. Pp. 121–141. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_121_141.*

Введение

В самом общем виде под политическим исламом понимается интерпретация ислама как источника политической идентичности и политических действий, в частности, это относится к движениям, которые выступают за преобразование государства и общества в соответствии с принципами ислама [Voll, Sonn, 2009]. В отечественной науке в качестве синонима термину «политический ислам» многие исследователи используют термин «исламизм», который определяется как «идеология и практическая деятельность, ориентированные на создание условий, в которых социальные, экономические, этнические и иные проблемы и противоречия любого общества (государства), где наличествуют мусульмане, а также между государствами, будут решаться исключительно с использованием исламских норм, прописанных в шариате (системе нормативных положений, выведенных из Корана и Сунны)» [Игнатенко, 2000]. В данной статье под политическим исламом в институционально-целевой парадигме будет пониматься политическая идеология и политические действия, стратегической целью которых является построение государства и общества, жизнедеятельность которых основана на нормах шариата и принципах исламской справедливости, установленных Кораном.

Необходимо также уточнить сущность понятия «мусульманский мир». Принципиальное значение имеет тот факт, что сегодня мусульманский мир не абсолютно тождественен миру исламскому, т.е. исламской умме, в которой помимо того, что ислам признаётся единственно верной, обязательной религией, исторически господствует мусульманское право — шариат. В современном мусульманском мире превосходство ислама как образа жизни уже не воспринимается в качестве бесспорного. Обозначилась реформаторская тенденция, стимулирующая переосмысление традиций, и складывается новое мышление, которое постепенно становится фундаментом мусульманского мира со всем его многообразием и внутренней противоречивостью [Малашенко, Нисневич, 2023].

Будем рассматривать мусульманский мир как совокупность государств, в которых мусульмане составляют более 50% населения¹. Всего таких государств 47, включая частично признанные Косово и Палестину. Эти государства за исключением Косово входят в Организацию исламского сотрудничества (ОИС). Всего в ОИС входят 57 государств, а также 5 государств-наблюдателей, но в остальных 11 государствах — членах ОИС мусульмане составляют менее 50% населения (от 48,8% в Нигерии до 6,4% в Гайане). Далее в качестве государств мусульманского мира будут рассматриваться 45 суверенных мусульманских государств — членов ООН².

Общественно-политическая жизнь в мусульманском мире не определяется исключительно исламом, даже если он официально объявлен государственной религией, как это имеет место более чем в половине (а именно, в 26) мусульманских государствах. Конституции 14 мусульманских государств объявляют их светскими, а ещё 5 непосредственно не устанавливают ни их светский характер, ни официальную религию, но провоз-

¹ В качестве источника информации об относительной численности мусульманского населения используются данные за 2022 г. проекта *Countrymeters* (<https://countrymeters.info/ru/World>), которые основаны на публикациях Отдела народонаселения при Департаменте по экономическим и социальным вопросам ООН.

² В ПРИЛОЖЕНИИ к статье в табличной форме обобщены характеристики этих 45 государств в соответствии с регионом их расположения, типом государства, формой правления и характером политического режима.

глашают свободу вероисповедания и сосуществование религий, что позволяет отнести эти государства к светским.

В соответствии с конституционными установлениями 19 государств мусульманского мира могут рассматриваться как исламские, т.е. такие, в которых ислам не только является государственной религией, но исламские порядки и правила определяют жизнь общества и государства, включая внутреннюю и внешнюю политику, и основой законодательства которых служит шариат. Следует отметить, что, начиная с 2005 г., в федерации Малайзия началась имплементация законов шариата в правовую систему³, а с 2015 г. введён «индекс шариата» — показатель соответствия общества основным нормам исламской религии и исламского права (шариата)⁴, что позволяет отнести это государство к исламским.

Ещё в 6 государствах мусульманского мира ислам является государственной религией, но эти государства в соответствии с установлениями их конституций нельзя непосредственно отнести ни к светским, ни к исламским. Такие государства можно условно обозначить как квазиисламские.

Чрезвычайно актуальным и важным представляется исследовательский вопрос о том, действительно ли сегодня политический ислам способен дестабилизировать поле политики мусульманского мира, в котором проживает около 20% населения нашей планеты. Для ответа на этот вопрос представляется необходимым оценить с использованием методов политико-правового и фактологического анализа, какое влияние и в какой форме политический ислам оказывает на политическую ситуацию и политические процессы в государствах мусульманского мира.

Такая оценка может проводиться с использованием условной шкалы, начинающейся с доминирующего влияния политического ислама и заканчивающейся отсутствием влияния этого фактора. Все мусульманские государства можно гипотетически расположить на этой шкале в следующей последовательности: исламские, квазиисламские и светские государства. При этом можно предположить, что влияние политического ислама, а следовательно, и расположение государств на указанной шкале может зависеть от типа правящего в них политического режима и в полной мере не вписываться в предложенную последовательность.

Политический ислам в исламских государствах

Абсолютное доминирование политического ислама имеет место в таких государствах, как Афганистан и Иран, где политический ислам реализован в радикальных формах.

В Афганистане в августе 2021 г. была установлена нелегитимная теократическая исламская диктатура радикального движения Талибан (террористическая организация, запрещённая в России), которое возглавляют мулла Хайбатулла Ахундзада и Руководящий совет (Рахбар Шура). Декларируется, что формой правления в Афганистане станет исламский эмират. Правящая диктатура подавила вооружённую (кроме Фронта национального освобождения Афганистана) и невооружённую оппозицию, осуществляет контроль масс-медиа, религиозных и общественных деятелей и дискриминацию по этническим, религиозным и гендерным признакам, в том числе введён запрет на получения образования для девушек и ограничение на получение высшего образования для женщин [Гиёсов, Ризоен, 2022].

³ Малайзия вводит ряд исламских законов шариата — министр // РИА Новости. 20.04.2005. <https://ria.ru/20050420/39706306.html> (дата обращения: 27.08.2023).

⁴ В Малайзии ввели «индекс шариата», показывающий соответствие общества исламскому праву // ТАСС. 11.02.2015. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1760090> (дата обращения: 27.08.2023).

В Иране с 1979 г. правит теократическая исламская диктатура персоналистского типа («режим аятолл»), возглавляемая в настоящее время аятоллой Али Хаменеи. В этом государстве реализуется шиитская политико-правовая доктрина организации власти «Вилаяте факих», в соответствии с которой верховную политическую власть и духовное руководство мусульманской общиной должен осуществлять факих⁵. Реализующий эту доктрину институт рахбара — высшего должностного лица в государстве, в руках которого концентрируется практически монополярная власть, закреплён в Конституции Ирана 1979 г. [Мамедова, 2018].

Как отмечается в докладе ООН, в Иране в 2019 г. были казнены, как минимум, 280 человек, органы безопасности чрезмерно применяют силу при подавлении массовых протестов. Имеет место дискриминация и насилие в отношении представителей этнических и религиозных меньшинств, а также женщин⁶.

Доминирование политического ислама отмечается в исламских государствах с такой «рудиментарной» формой правления, как абсолютная монархия. Там политический ислам реализуется в традиционной форме, принятой в исторической ретроспективе. К этой группе государств относятся расположенный в Юго-Восточной Азии теократический султанат Бруней Даруссалам и находящиеся на Ближнем Востоке теократическое королевство Саудовская Аравия, эмират Катар, Объединённые арабские эмираты (ОАЭ) и султанат Оман, которые относятся к арабскому миру⁷.

По степени и характеру влияния политического ислама на политический режим и политические процессы султанат Бруней достаточно близок к Афганистану и Ирану. В Брунее в соответствии с его конституцией султан — глава религии, и ему принадлежит вся высшая исполнительная власть. В качестве национальной философии и идеологии установлена концепция «Малайской исламской монархии», которая была сформулирована и оглашена султаном в 1990 г. и которая призвана обеспечить идейно-ценностное и идеологическое обоснование теократического абсолютного правления султана в соответствии с нормами ислама [Милославская, 2010]. По информации международных правозащитных организаций (Human Rights Watch, Amnesty International и других) в Брунее зафиксированы пытки и похищения, дискриминация по религиозному и гендерному признакам, цензура публикаций в масс-медиа, развлекательных и других публичных мероприятий на предмет их соответствия нормам ислама.

В Саудовской Аравии, которая по численности населения существенно превосходит все остальные арабские абсолютные монархии, вся полнота политической и религиозной власти, а также основные экономические активы принадлежат правящей королевской семье Аль Саудов. Большую юридическую силу, чем указ короля, имеет только Основной низам правления, основанный на нормах шариата. В этом королевстве, с одной стороны, проявления радикального политического ислама подавляются силовыми методами, а с другой — уделяется большое внимание профилактике таких настроений [Саватеев, Хайруллин, 2019].

Важным представляется тот факт, что около 30% населения Саудовской Аравии составляют иммигранты. Вне зависимости от гражданства или уровня профессионализма они обязаны соблюдать законы шариата, даже если не исповедуют ислам [Дроздов, 2019].

⁵ Факих («знающий») — богослов-законовед, знаток богословско-правового комплекса (фикх) [Ислам: Энциклопедический словарь, 1991. С.250].

⁶ См., например: Только в прошлом году в Иране казнили по меньшей мере 280 человек. Доклад // Новости ООН. 11.11.2000. <https://news.un.org/ru/story/2020/10/1388022> (дата обращения: 27.08.2023).

⁷ Арабский мир — это обобщённое название арабских государств, входящих в Лигу арабских государств (ЛАГ) и использующих арабский язык в качестве одного из официальных. В настоящее время в ЛАГ входит 21 суверенное государство — члены ООН.

Следует отметить, что значимым в смысле влияния на политические процессы в Саудовской Аравии является межконфессиональный суннитско-шиитский конфликт, который власть стремится максимально купировать посредством «сочетания формального предоставления новых прав шиитам и ужесточения фактического контроля над деятельностью формальных и неформальных объединений внутри общины» [Федорченко, 2013]. Важен также и фактор перераспределения нефтяных доходов, направления дополнительных финансовых ресурсов на решение социальных проблем.

Во многом аналогичная ситуация в смысле влияния традиционного политического ислама имеет места и в других арабских абсолютных монархиях — Катаре, ОАЭ и Омане, хотя доминирование этого фактора здесь проявляется в менее «жестких» формах. С точки зрения масштабов и характера влияния политического ислама в этих государствах значимым представляется то, что граждане от общей численности населения Катара составляют всего 11,6% (2015), ОАЭ — 11,9 (2020), а Омана — 54% (2019)⁸.

Кроме того, важно отметить, что Катар считается «изгоем» в арабском мире, его обвиняют в скрытой поддержке радикального политического ислама — таких радикальных исламских организаций, как Аль-Каида, Братья-мусульмане, Исламское государство, Талибан, Хамас и Фронт ан-Нусра (организации, запрещённые в России). На этом основании в 2017 г. Саудовская Аравия, а также ОАЭ, Бахрейн, Египет и ещё ряд арабских государств разорвали дипломатические отношения с Катаром.

В арабских конституционных монархиях Бахрейне и Кувейте влияние политического ислама в его умеренной форме также доминирует. Но здесь есть определённая специфика.

Конституция Бахрейна 2002 г. устанавливает, что верховная власть принадлежит правящей семье Аль Халифа и передаётся в порядке престолонаследия. Исполнительная власть принадлежит королю и Совету министров, назначаемому королем, а законодательная — королю и Национальной Ассамблее. Национальная Ассамблея состоит из Консультативного совета, 40 членом которого назначаются королём, и Палаты депутатов, все 40 депутатов которой избираются в избирательных округах на основе всеобщего избирательного права при тайном голосовании. Политические партии запрещены, но их роль выполняют политические общества, среди которых есть как шиитские и суннитские, так и светские, выражающие либеральные и левые политические позиции.

Отличительная особенность Бахрейна, в котором граждане составляют 55% (2019) населения, состоит в том, что это единственное арабское государство, где шиитское большинство составляет порядка 60% граждан, а правящая королевская династия Аль Халифа принадлежит к суннитскому меньшинству. Такая ситуация обуславливает тот факт, что межконфессиональный суннитско-шиитский конфликт в этом государстве достаточно ярко выражен, хотя и без радикальных проявлений. Власть осуществляет репрессии по отношению к духовным и политическим лидерам шиитов, что заметно влияет на политическую обстановку, но не приводит к массовым выступлениям [Кириченко, 2021].

Конституция Кувейта 1962 г. устанавливает, что верховная власть принадлежит правящей семье Аль Ас-Сабах и передаётся в порядке престолонаследия. Исполнительная власть в Кувейте принадлежит эмиру и кабинету министров, который назначается эмиром, а законодательная — эмиру и Национальной Ассамблее из 50 депутатов, которые избираются на основе всеобщего избирательного права при тайном голосовании. Политические партии запрещены, но их роль исполняют общественно-политические организации, среди которых есть не только исламские, но и светские, представляющие интересы либералов, левых демократов и технократов [Мелкумян, 2010. С. 104].

⁸ Здесь и далее в качестве источника информации о численности граждан в общей численности населения используются данные The World Factbook. <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/>. В скобках указывается год, за который эти данные приводятся.

В Кувейте, где граждане составляют около 30% населения, все исламские структуры находятся под контролем министерства вакфов и исламских дел. Оно руководствуется исламской доктриной «Аль-Васатыя», разработанной на основе идей умеренности и толерантности ислама [Мелкумян, 2018. С. 95].

Террористическая деятельность радикальных исламских организаций в Кувейте полностью подавлена. Проявлений межконфессионального суннитско-шиитского конфликта не наблюдается, так как шииты, которые составляют порядка 20–30% граждан Кувейта, имеют возможность участия в правительстве и играют большую роль в экономическом развитии страны.

Ещё одним государством с теократическим исламским правлением является конституционная парламентарная монархия — федерация Малайзия, которая состоит из 16 субъектов федерации: 13 штатов и 3 федеральных территорий, которые управляются непосредственно центральной властью. В соответствии с Конституцией Малайзии 1957 г. в 9 штатах-монархиях — 7 султанатах, раджанате Перлис и штате Негери-Сембилан правители штатов являются главами мусульманской религии. В 4 губернаторствах главой мусульманской религии является Верховный глава Федерации — Янг ди-Пертуан Агонгом. Верховный глава избирается сроком на пять лет Советом правителей в составе только 9 правителей монархических штатов (4 губернатора являются членами Совета правителей, но в выборах Верховного Главы Федерации не участвуют).

Главная политическая проблема Малайзии — напряжённость в межэтнических отношениях, в которых проявляется конфессиональный аспект. Такая напряжённость обусловлена неравенством в экономическом и социальном положении менее обеспеченного большинства — бумпитуры, представляющее 62,5% (2019) населения и состоящее из малайцев и коренных народов, и более обеспеченными и социально успешными меньшинствами — китайским, которое составляет 20,6% (2019), и индийским, которое составляет 6,2% (2019) [Золотухин, 2010].

Разделение малайского общества по этническому принципу нашло отражение в многопартийной системе, включающей около 40 малайских, китайских, индийских и иных политических партий [Сапронова, 2015]. Крупнейшими партиями являются Объединённая малайская национальная организация (ОМНО) и Панмалайзийская исламская партия (ПАС). Идеология ОМНО — малайский национализм, но значительное влияние на её идейно-политические установки оказывает и политический ислам. ПАС придерживается радикальных взглядов консервативного традиционализма, настаивает на построении исламского государства и общества, требует нераздельности религии и политики, внедрения шариата во все сферы политической, юридической и общественной жизни. Именно под давлением оппозиции во главе с ПАС с 2005 г. началась имплементация законов шариата в правовую систему Малайзии.

Группу исламских арабских диктатур составляют Египет, Мавритания и Сирия.

В Египте в результате военного переворота 2013 г. во главе с министром обороны генералом Абдель Фаттахом ас-Сиси был свергнут президент Мухаммед Мурси и отстранена от власти радикальная исламистская организация «Братья-мусульмане». В 2014 г. была принята новая конституция Египта, в которой сохранены признаки исламского государства, но ослаблено влияние политического ислама и введён запрет на создание политических партий на основе религии [Чиркин, 2014].

После выборов 2014 г. президентом стал ас-Сиси. Повторно он занял эту должность в 2018 г., а в 2019 г. в конституцию были внесены поправки, позволяющие ему оставаться у власти до 2030 г. С момента прихода к власти ас-Сиси начал выстраивать жёсткий режим личной власти, при котором умеренный политический ислам играет инструментальную роль в укреплении режима, а в качестве основной политической задачи декларируется борьба с терроризмом. При этом «под “борьбой с терроризмом” подразумевается в основ-

ном подавление оппозиции в лице “Братьев-мусульман” и их исламистских союзников, а также любых светских демократических сил, деятельность которых может угрожать новому политическому порядку» [Ибрагимов, 2019].

В Мавритании с 1978 г. правит военная хунта, которую периодически сотрясали военные перевороты, приводящие к смещению её высших руководителей. Последний военный переворот, в результате которого президентом стал генерал Мохаммед ульд Абдель Азиз, состоялся в 2008 г. В 2019 г. впервые в истории Мавритании произошла мирная передача президентской власти генералу Мухаммеду ульд аш-Шейху аль-Газуани.

В Мавритании умеренный политический ислам инструментально используется военной хунтой для обеспечения её массовой поддержки и консолидации общества. Но основное влияние на политическую обстановку оказывает расово-этнический конфликт «между негроидным населением преимущественно юга страны (представителями народностей бамбара, сонинке, волоф, тукулер, фульбе, пель) и традиционно проживающими в северных областях туарегами и арабами-берберами» [Гришина, 2021. С. 60]. Кроме того, следует отметить проблему рабства, которое хотя и официально отменено в 1981 г., но до сих пор до конца не изжито: в стране насчитывается до 600 000 рабов⁹.

В Сирии с 1971 г. правит династический авторитарный режим семейства Асадов, установивший в стране персоналистскую диктатуру [Сапронова, 2015]. После смерти в 2000 г. президента Хафеза аль-Асада власть перешла к его сыну Башару аль-Асаду, который в 2021 г. в четвёртый раз стал президентом, набрав 95,1% голосов на президентских выборах.

В ходе «арабской весны» в 2011 г. в Сирии началась гражданская война между вооружёнными формированиями режима Асада и различных оппозиционных сил, включая умеренных исламистов, радикальных исламистов (в лице, прежде всего, Исламского государства, которое было в основном разгромлено к концу 2017 г.) и других радикальных исламских организаций, а также проживающих в Сирии курдов. С марта 2018 г. масштабные боевые действия практически не ведутся, страна распалась на четыре зоны влияния, самую большую из которых, составляющую порядка двух третей территории, контролирует режим Асада, но пока нет политического урегулирования, нельзя считать войну завершённой.

Стремясь сбить накал противостояния с оппозицией, одной из причин которого были конфессиональные противоречия в многоконфессиональном и многонациональном сирийском обществе, в частности между правящим алавитским меньшинством, к которому принадлежит семейство Асадов, и суннитским большинством, составляющим порядка 75% мусульманского населения Сирии, президент Асад инициировал принятие в 2012 г. новой конституции. В ней исламу и шариату посвящена только одна статья, которая устанавливает, что ислам является религией президента и исламский фикх — главным источником законодательства, что свидетельствует о незначительной роли, которая отводится исламу в государстве и политике [Хайруллин, Коротаев, 2016]. В Сирии доминантным фактором в поле политики является сохранение режима Асада на контролируемой им территории при поддержке России и Ирана, а политический ислам существенного влияния не имеет.

Среди исламских государств более одной трети (7 из 20) являются государствами с нестабильной политической обстановкой, которую в ряде случаев провоцируют в том числе и радикальные исламские организации. В таких государствах оценить в полной мере непосредственное влияние политического ислама на политический режим не представляется возможным.

В Ираке окончание в 2017 г. гражданской войны не привело к стабилизации политической обстановки, которую дестабилизируют перманентные политические кризисы из-за

⁹ Крохмаль А. Как при нумидийских царях. Рабство в Мавритании всё ещё существует // Аргументы недели. 30.06.2020. <https://argumenti.ru/world/2020/06/674204> (дата обращения: 27.08.2023).

противостояния религиозных группировок. Очередной кризис возник в 2021 г. в результате противостояния двух шиитских политических группировок¹⁰.

В Йемене с 2014 г. продолжается очередной этап гражданской войны. В ней правительственные вооружённые формирования суннитов, поддерживаемые коалицией арабских государств во главе с Саудовской Аравией, противостоят вооружённым формированиям хауситов — военизированной группировки шиитов, поддерживаемых Ираном.

В Ливии политический кризис длится с 2011 г. из-за противостояния политических группировок, включая радикальных исламистов. Из-за постоянных вооружённых столкновений между этими группировками так и не удаётся сформировать стабильную власть. Сегодня Ливия представляет собой конгломерат нескольких квазигосударств¹¹.

На Мальдивах, после того как в 2008 г. закончился тридцатилетний период правления президента Момуна Абдулы Гаюма, правящим является нестабильный режим авторитарного правления. В 2012 и 2018 гг. там имели место политические кризисы, приведшие к смене президентов [Куприянов, 2018].

В Пакистане после завершения в 2008 г. правления военного режима генерала Первеза Мушаррафа политическую турбулентность при гражданском правлении провоцирует жёсткое противостояние политических партий, которые в таком противостоянии, придя к власти, используют не только силовые структуры и судебную систему, но и прямое насилие, сопровождаемое человеческими жертвами [Москаленко, Топычканов, 2013].

Политическая обстановка в Сомали нестабильна и взрывоопасна, так как *de facto* продолжается гражданская война, об окончании которой было заявлено ещё в 2012 г. Официальная власть не контролирует всю территорию страны, которая разделена на множество анклавов, находящихся под контролем различных кланов и групп, в том числе и радикальной исламской группировки «Аш-Шабат». Образно говоря, «политическая карта Сомали похожа на лоскутное одеяло, форма лоскутков на котором постоянно меняется»¹².

Политическая обстановка в Судане также нестабильна. В 2019 г. произошёл военный переворот, в результате которого президент Омар аль-Башир, который правил страной с 1993 г., был отстранён от власти и арестован. В октябре 2021 г. произошёл ещё один военный переворот, в результате которого было введено чрезвычайное положение и распущено гражданское правительство¹³.

Политический ислам в квазиисламских государствах

В квазиисламских государствах политический ислам находится на периферии поля политики и не оказывает значимого влияния на политическую ситуацию и политические процессы. К этой группе относится ряд государств, прежде всего такие арабские конституционные монархии с авторитарным правлением, как Иордания и Марокко.

В Иордании вся полнота власти принадлежит королю Хашимитского королевства, который получает её в порядке престолонаследия. Король является главой государства и совместно с Национальной Ассамблеей — парламентом Иордании осуществляет зако-

¹⁰ Беленькая М. Шииты никак не поделят Ирак // Коммерсантъ. 01.08.2022. <https://www.kommersant.ru/doc/5490922> (дата обращения: 27.08.2023).

¹¹ В ходе столкновений в Ливии погибли 12 человек, пострадали более 80 // РБК. 27.08.2022. <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/630a50859a794762d693c57a> (дата обращения: 27.08.2023).

¹² Алексеев А. Не страна, а одно название // Коммерсантъ. 04.07.2020. <https://www.kommersant.ru/doc/4405229> (дата обращения: 27.08.2023).

¹³ Русская служба Би-би-си в России заблокирована. Заменить на <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6321478>. Военный переворот в Судане. Главное. ТАСС. Последнее обновление: 11.04.2019. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6321478> (дата обращения: 15.02.2024)

нодательную власть, он назначает всех 65 членов Сената — верхней палаты парламента. Королю принадлежит исполнительная власть и он назначает Премьер-министра и всех членов Совета министров, всех судей Конституционного суда, а также гражданских и шариатских судов.

Действующий король Абдалла II достаточно жёстко контролирует политическую ситуацию в стране, будучи сторонником экономических и политических реформ в соответствии с концепцией «Иордания превыше всего» [Морозова, 2019]. Основной внутриполитической проблемой остаются взаимоотношения между иорданцами и палестинцами — выходцами с территорий Западного берега реки Иордан и сектора Газа, включая проживающих в лагерях беженцев палестинцев-неграждан, которые по разным оценкам составляют порядка 40–60% населения Иордании. При этом многие палестинцы поддерживают радикальный политический ислам, прежде всего в лице радикальной исламистской организации Хамас, что создает угрозу дестабилизации внутренней обстановки в Иордании [Крылов, 2013].

Конституция Марокко 2011 г. установила, что королевство — демократическое государство с парламентской формой правления и светской системой власти. При этом король, который в порядке престолонаследия возглавляет государство, одновременно является высшим духовным лицом — «повелителем правоверных» (Амир аль-муминин), возглавляющим Совет улемов, а также председателем Верховного суда.

Политическая ситуация в стране определяется решениями и действиями короля Мухаммеда VI. Его политика состоит в том, чтобы «проводить либеральные реформы, направленные на социально-экономическое и культурное развитие страны, не нарушая состояние хрупкого равновесия в обществе между прогрессивными и традиционалистскими силами, а также сохраняя основы легитимности монархического правления» [Егоров, 2018. С. 27].

В Алжире двадцать лет правящим был режим личной власти президента Абдель Азиза Бутафлика, который в 2019 г. под давлением массовых акций протеста был вынужден подать в отставку. В том же году президентом был избран один из высокопоставленных чиновников правящего режима Абдельмаджид Теббун.

После того как президент Бутафлика в 1999 г. пришёл к власти, он взял курс на политическую интеграцию умеренной исламистской оппозиции и жёсткое подавление радикальных исламистов. Деятельность всех исламских организаций была взята под контроль двумя основными государственными ведомствами — Министерством по делам религий, которому подчиняется вся религиозная инфраструктура и все служители культа, и Высшим исламским советом, ответственным за верную интерпретацию вероучения и выдачу фетв [Наумкин, Зарипов, Кузнецов, Орлов, 2021. С. 30]. Такую же политику пока продолжает проводить президент Теббун.

В Бангладеш после того, как в 1991 г. завершилось десятилетнее правление диктаторского режима генерала Мухаммеда Эршада, правящим стал режим, балансирующий на грани между авторитаризмом и демократией, что обусловлено колебаниями политического маятника в результате противостояния лидеров двух основных политических партий. При этом, по данным Freedom House, Бангладеш в 1991–2016 гг. — это частично свободная электоральная демократия, а в 2017 г. произошёл возврат к авторитарному правлению — авторитарный откат.

В указанном противостоянии участвует, с одной стороны, Халида Зиа — лидер Бангладешской националистической партии. К идеологии этой партии можно отнести бангладешский национализм, демократию, свободную рыночную экономику, сохранение учения ислама как религии большинства [Roopaq, 2014. Р. 11]. Другой стороной этого противостояния является Хасина Вазед — лидер партии Авами Лигс с идеологией бен-

гальского национализма, демократии, секуляризма, социализма (свобода от эксплуатации и социальная справедливость) [Ibid.].

Противоборствующие стороны обвиняют друг друга в использовании административного ресурса и фальсификациях на выборах, бойкотируют выборы, придя к власти, устраняют своих политических оппонентов посредством арестов, судебных преследований и использования силовых структур, а это приводит к перманентным массовым беспорядкам, которые сопровождаются насилием с использованием оружия и человеческими жертвами [Котин, 2017]. В политическом поле Бангладеш в большей степени доминирует бенгальский и бангладешский национализм в контексте построения национального государства, а не политический ислам, который в определённой мере демпфируется на уровне конституционных установлений.

На Коморских островах в 2001 г. была принята конституция, которая установила, что должность президента Союза Коморских островов переходит от острова к острову, президент избирается сроком на четыре года (с 2009 г. на пять лет) и может быть переизбран, но с соблюдением очерёдности между островами. По данным Freedom House, Коморские острова в 2004–2017 гг. являлись частично свободной электоральной демократией, а в 2018 г. произошёл авторитарный откат.

Избранный в 2016 г. президентом Коморских островов Азали Ассумани начал формировать режим личной власти, инициировав внесение изменений в конституцию в части принципа регулярной ротации президентского поста и статуса Конституционного суда как независимого института. Это позволило ему в 2019 г. переизбраться на второй пятилетний срок с перспективой дальнейшего переизбрания ещё на один срок [Турьинская, 2020].

Особое место в группе квазиисламских государств занимает Тунис — единственный демократический результат «арабской весны». По данным Freedom House, с 2011 г. Тунис представляет собой частично свободную электоральную демократию.

После того как правившее в 2011–2013 гг. исламское Движение Нахда не смогло направить развитие Туниса по пути политического ислама [Долгов, 2017], в январе 2014 г. была принята новая конституция страны, которая установила отказ от политического ислама, сохранив участие исламских партий наравне с другими партиями в политическом процессе.

Однако следует отметить, что действующий президент Туниса Каис Саид, который был избран на эту должность в 2019 г., проводит политику, направленную на усиление своей личной власти. Это нашло отражение в изменениях, внесённых в конституцию в 2022 г., и может привести к возврату к авторитарному правлению¹⁴.

Политический ислам в светских мусульманских государствах

Среди светских мусульманских государств большинство составляют государства с авторитарным правлением, в которых доминирующим политическим фактором является стремление правящих политических акторов обеспечить несменяемость режима и сохранение своей власти. При этом политический ислам не оказывает какого-либо заметного влияния на политические режимы и процессы в этих государствах.

В группе светских мусульманских государств особое место занимает Турция, которая была и остается светским государством как результат «эффекта колеи», колеи лаицизма, которая была заложена основателем современного турецкого государства Камалем Ататюрком и хранителями которой выступают армия, прокуратура и судебная система [Сергеев, Сураханян, 2012]. Хотя после прихода к власти в 2002 г. имеющей происламские

¹⁴ СМИ: президент Туниса утвердил новую конституцию страны. ТАСС. 18.08.2022. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15499523> (дата обращения: 15.02.2024)

корни Партии справедливости и развития во главе с Реджепом Эрдоганом усилилась исламизация турецкого общества под контролем государства и начался постепенный рост влияния умеренного политического ислама.

Для уменьшения влияния армии, прокуратуры и судебной системы на политические процессы и устранения политических конкурентов Эрдоган воспользовался попыткой очередного военного переворота в 2016 г. В государственном аппарате, армии, судебной системе, полиции и системе образования были проведены массовые «чистки». Также были ликвидированы все организации, связанные с оппозиционным исламским проповедником Фетхуллахом Гюленом, который и был обвинен в подготовке переворота¹⁵.

В 2017 г. по результатам референдума в турецкую конституцию внесены существенные изменения. Парламентская форма правления была заменена на президентскую и значительно расширены полномочия президента, пост которого с 2014 г. занимает Эрдоган. По данным Freedom House, в Турции, которая более двадцати пяти лет относилась к частично свободным электоральным демократиям, в 2016 г. начался авторитарный откат. Президент Эрдоган начал выстраивать режим личной власти, инструментально используя умеренный политический ислам в противовес радикальному для подавления политической конкуренции, укрепления правящего режима и консолидации социальной базы его поддержки.

Все светские мусульманские государства с авторитарным правлением и стабильными политическими режимами можно по региональному признаку разделить на две группы: группу постсоветских мусульманских государств и группу африканских мусульманских диктатур.

Группу постсоветских мусульманских государств составляют Азербайджан и пять государств Центральной Азии — Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Во всех государствах этой группы в отношении государства и ислама в той или иной степени проявился «эффект колеи» как «колеи» постатеистической, доставшейся им в наследство от СССР [Жусипбек, 2017], где атеизм был неотъемлемым элементом государственной идеологии.

Развитие отношений с исламом в постсоветских мусульманских государствах по постатеистической колее было предопределено тем, что после распада СССР главами новых независимых государств в должности президентов стали высокопоставленные деятели КПСС¹⁶, которые начали формировать режимы личной власти. Правящий при таких режимах социальный слой формировался прежде всего из представителей партийно-хозяйственной номенклатуры советских республик, которые «не расстались с антирелигиозными и антиисламскими взглядами, и понимают религию неизменно как “опиум для народа”» [Зайферт, 2014. С.18].

В настоящее время в этих государствах все механизмы влияния ислама и тем более политического ислама на политические режимы и процессы полностью заблокированы, в частности, в них нет ни одной легальной исламской политической партии.

¹⁵ Попытка военного переворота в Турции в 2016 году // РИА Новости. 15.06.2017. <https://ria.ru/20170715/1498412630.html> (дата обращения: 27.08.2023)

¹⁶ Первым президентом Казахстана стал член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Казахской ССР Нурсултан Назарбаев, Туркменистана — член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Туркменской ССР Сапармурат Ниязов, Узбекистана — член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Узбекской ССР Ислам Каримов, Кыргызстана — член ЦК КПСС, президент Академии наук Киргизской ССР Аскар Акаев. Первым президентом Азербайджана также стал член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Азербайджанской ССР Аяз Муталибов, но он не удержал в своих руках власть, и после непродолжительного периода политической турбулентности пост президента Азербайджана с 1993 г. занял член Политбюро ЦК КПСС, с 1969 по 1982 г. первый секретарь ЦК КП Азербайджанской ССР Гейдар Алиев. Первым президентом Таджикистана стал депутат Верховного Совета Таджикской ССР от КП Таджикиской ССР Рахмон Набиев, но после начала в 1992 г. гражданской войны (1992–1997) он ушёл в отставку, и с 1994 г. пост президента занял также депутат Верховного Совета Таджикской ССР от КП Таджикской ССР Эмомали Рахмонов.

При этом после распада СССР во всех государствах Центральной Азии и в Азербайджане началось возрождение ислама, его влияние стало возрастать и начался процесс исламизации населения [Гарбузова, 2019]. Это процесс нашёл выражение в существенном увеличении (при активном участии таких государств, как Иран, Пакистан, Турция, Саудовская Аравия и других государств Персидского залива) количества мечетей, исламских объединений и учебных заведений. Исламизация населения проявляется в основном в частной жизни, как индивидуальный социокультурный феномен, «многие люди следовали исламу, основываясь на эмоциональных настроениях, нежели на знаниях постулатов ислама» [Жусупбек, 2017. С.104].

Этот процесс вызвал реакцию властей всех постсоветских мусульманских государств в двух взаимосвязанных направлениях. С одной стороны, они стали интегрировать ислам как национальную культурно-историческую традицию в свой базовый идеологический концепт построения национального государства и формирования национальной идентичности. Власти культивируют «официальный ислам», активно взаимодействуют с лояльными и поддерживающими их исламскими объединениями. С другой стороны, имеет место «конструирование исламской угрозы», «секьюритизация» всех неконтролируемых государством направлений ислама, и прежде всего политического ислама. Побудительным мотивом, запустившим и обосновывающим «секьюритизацию», послужили радикальные проявления политического ислама и исламской оппозиции прежде всего в Ферганской долине, на стыке границ Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана [Жусупбек, 2017]. Такие проявления жёстко подавлялись и подавляются, и при этом «секьюритизация» используется для подавления не только исламской оппозиции, но и служит обоснованием для подавления любой оппозиции правящим режимам.

В постсоветских мусульманских государствах исламский фактор используется правящими режимами в качестве инструмента расширения и консолидации социальной базы их поддержки.

Группу африканских мусульманских диктатур составляют Джибути, относящееся к периферии арабского мира, Гамбия, Гвинея и Чад.

В Джибути более 20 лет правящим является режим личной власти президента Исмаила Омара Геллеха. Он был избран президентом в 1999 г. в качестве преемника своего дяди Хасана Гуледа Аптидона, а в 2021 г. в пятый раз переизбран главой государства. Гелех проводит религиозную политику, направленную на веротерпимость и толерантность [Мезенцев, 2021]. В этом государстве политический ислам влияния в поле политики не имеет.

В Гамбии правящим режимом в 1996–2017 гг. была персоналистская диктатура президента Яйя Джамме. С 2018 г., после того как Джамме проиграл президентские выборы и был окончательно отстранен от власти в результате вмешательства Экономического сообщества западноафриканских государств (ввод войск Сенегала и Нигерии), в Гамбии правит режим личной власти президента Адама Бэрроу [Панов, 2016; Денисова, 2021b]. Как в период диктатуры Джамме, так и при режиме Бэрроу политический ислам не оказывал и не оказывает влияние на правящий политический режим.

В Гвинее в 2010–2021 гг. правящей была персоналистская диктатура президента Альфа Конде Но в сентябре 2021 г. он был свергнут в результате военного переворота [Денисова, 2021a]. В период диктатуры Конде политический ислам также не оказывал влияние на правящий политический режим.

В Чаде с 1990 г. правящим режимом была диктатура президента Идриса Деби, который в апреле 2021 г. погиб при столкновении с повстанцами из Фронта перемен и согласия в Чаде,

и власть перешла к его сыну — генералу Махамату Идрису Деби¹⁷. Режим Деби постоянно вёл вооружённую борьбу с исламскими радикальными движениями Боко Хорам и Исламское государство в Большой Сахаре, выступая в этом противостоянии в союзе с Францией.

Буркина Фасо, Мали и Нигер, в которых политическая обстановка нестабильна, расположены вместе с Чадом в Сахеле — регионе Африки южнее Сахары. В этом регионе начиная с 2013 г. повышенную террористическую активность проявляют исламские радикальные движения, в частности такие, как Фронт освобождения Масыны, группа Ансар-уль-ислам и Исламское государство в Большой Сахаре [*Исламские радикальные движения*, 2020; *Исаев, Коротаев, Бобарыкина*, 2022]. Государства этого региона вынуждены постоянно с переменным успехом вести вооружённую борьбу с исламскими радикальными движениями.

В Мали, где, по данным Freedom House, в 2012 г. произошёл авторитарный откат, в Нигере, где авторитарный откат произошёл в 2016 г., и в Буркина Фасо систематически происходят военные перевороты, которые наряду с террористической деятельностью радикальных исламских движений дестабилизируют политическую обстановку. В Нигере военные перевороты произошли в феврале 2010 г. [*Филиппов*, 2013] и в июле 2023 г.¹⁸, в Мали — в июне 2020 г. и в мае 2021 г. [*Давидчук, Дегтерев, Сидибэ*, 2021], в Буркина Фасо — в январе и сентябре 2022 г. [*Садовская*, 2022]. При этом в качестве одной из причин переворотов указывается неспособность действующей власти обеспечить безопасность граждан и противостоять насилию со стороны радикальных исламских группировок.

Ещё одним светским мусульманским государством, в котором политическая обстановка нестабильна, является Ливан, относящийся к арабскому миру. В Ливане после окончания в 1990 г. второй гражданской войны, вывода в 2005 г. сирийских вооружённых сил и окончания в 2006 г. ливано-израильского конфликта политическая обстановка так и не стабилизировалась. Дестабилизирующим фактором выступают конфликты между различными политическими группировками, имеющие в том числе и религиозную составляющую. Заметную роль в этих конфликтах играет военизированная ливанская шиитская организация и политическая партия Хезболла.

К светским мусульманским государствам относятся четыре частично свободные электоральные демократии — Албания, Индонезия, Сенегал и Сьерра-Леоне. Там политический ислам не оказывает никакого влияния на политическую ситуацию.

Албания — единственное суверенное мусульманское государство — член ООН в Европе, в котором мусульмане составляют 80,3% населения. В соответствии с конституцией Албании 1998 г. одной из основ государства является веротерпимость и религиозное сосуществование, религиозные организации взаимно уважают независимость друг друга. В Албании не наблюдается процесс исламизации и нет исламских политических партий.

Индонезия — это самое большое по численности населения (по данным Всемирного банка в 2022 г. — 275 501,34 тыс. человек¹⁹) мусульманское государство, расположенное в Юго-Восточной Азии. В Индонезии, следуя установленным в преамбуле её конституции пяти принципам организации государства «Панча Сила», ислам как и любая официально признаваемая в соответствии с первым из указанных принципов — вера в единого Бога — монотеистическая религия, не имеет преимуществ во влиянии на общественную жизнь и политику [*Куклин*, 2021]. При этом по результатам парламентских выборов 2019 г. четыре исламские партии (две, входящие в правящую коалицию, и две — в оппозицию) получили

¹⁷ Rebels threaten to march on capital as Chad reels from president's battlefield death // Reuters. 21.04.2021. <https://www.reuters.com/world/africa/rebels-threaten-march-capital-chad-reels-presidents-battlefield-death-2021-04-21/> (дата обращения: 27.08.2023).

¹⁸ Кто возглавляет военный переворот в Нигере // Коммерсантъ. 09.08.2023. <https://www.kommersant.ru/doc/6149339> (дата обращения: 27.08.2023).

¹⁹ The World Bank. Data: Population total. <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (access date: 27.08.2023)

представительство в Совете народных представителей и суммарно 171 (29,7%) из 575 мандатов [Другов, 2019].

Сенегал и Сьерра-Леоне, расположенные в Западной Африке, с конца XX в. по данным Freedom House являются устойчивыми электоральными демократиями с индексами политических прав и гражданских свобод выше средних. В этих государствах нет исламских политических партий, но при этом исламские религиозные общины и их духовные лидеры являются значимыми акторами избирательных процессов, что особенно отчётливо проявляется в Сенегале [Садовская, 2017].

Напомним, что в мусульманском мире есть и пятая электоральная демократия — квазиисламское государство Тунис. При этом ещё пять мусульманских государств Бангладеш, Коморские острова, Мали, Нигер и Турция также ранее относились к электоральным демократиям, но в них произошёл авторитарный откат, обусловленный тем, что правящие в этих государствах политические акторы стали формировать режим личной власти, чтобы продолжить сохранять власть в своих руках.

Заключение

В свете многочисленных публикаций в средствах массовой информации и в научной литературе по проблемам политического ислама создаётся впечатление, что политический ислам представляет собой масштабную угрозу дестабилизации не только политической ситуации в мусульманском мире, но и, как следствие, мирового политического пространства в целом. Проведённое исследование показывает несколько иную картину, хотя влияние террористической деятельности радикальных исламских группировок и организаций недооценивать не следует.

Политический ислам в таких его ипостасях, как радикальный, традиционный и умеренный, оказывает воздействие от абсолютного доминирования до инструментального использования властью на политическую ситуацию и процессы только в тринадцати исламских государствах со стабильными правящими режимами, а умеренный политический ислам — также в светской Турции. Причём во всех этих государствах, кроме таких теократических исламских диктатур, как Афганистан и Иран, а также эмирата Катар, который обвиняют в скрытой поддержке радикальных исламских организаций, власти жёстко подавляют любые проявления радикального политического ислама.

Представляется важным отметить, что существенное влияние на политическую ситуацию в ряде исламских государств оказывает межконфессиональный суннитско-шиитский конфликт. Он проявляется в различных формах вплоть до таких экстремальных, как гражданская война в Йемене.

В 20 квазиисламских и светских мусульманских государствах со стабильными правящими режимами проявления политического ислама, если и имеют место, то только на периферии политического поля, и никакого значимого влияния на политическую ситуацию и процессы не оказывают. При этом в отдельных государствах этой части мусульманского мира власти вынуждены вести интенсивную борьбу с трансграничной террористической деятельностью радикальных исламских организаций с использованием как силовых структур, так и вооружённых сил.

Следует отметить, что в постсоветских мусульманских государствах начавшийся после распада СССР процесс исламизации населения взят под жёсткий государственный контроль и используется в качестве инструмента расширения и консолидации социальной базы поддержки правящих режимов.

Почти в четверти (в одиннадцати из сорока пяти) государств мусульманского мира политическая ситуация в настоящее время нестабильна. Это не позволяет в полной мере

адекватно оценить непосредственное влияние политического ислама на политическую ситуацию в этих государствах. При этом одним из значимых факторов, дестабилизирующих ситуацию, наряду с преобладанием политических, этнических и клановых конфликтов, служит террористическая деятельность как международных, так и национальных радикальных исламских группировок и организаций.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица

Типология государств мусульманского мира

№ п/п	Государство	Регион*	Тип государства	Форма правления	Политический режим
1	Афганистан	Южная Азия	исламское	президентская республика	исламская диктатура движения Талибан с 2021 г.
2	Бахрейн	Передняя Азия Ближний Восток	исламское	конституционная монархия	исламская монархия
3	Бруней	Юго-Восточная Азия	исламское	теократическая абсолютная монархия (султанат)	исламская монархия
4	Египет	Северная Африка Ближний Восток	исламское	президентско-парламентская республика	режим личной власти президента Абдель ас-Сиси с 2014 г.
5	Ирак	Передняя Азия Ближний Восток	исламское	парламентская республика	<i>нестабильный межконфессиональный конфликт</i>
6	Иран	Передняя Азия	исламское	теократическая президентская республика	исламская диктатура аятолла Али Хаменеи с 1989 г.
7	Йемен	Передняя Азия Ближний Восток	исламское	парламентско-президентская республика	<i>нестабильный межконфессиональный конфликт</i>
8	Катар	Передняя Азия Ближний Восток	исламское	абсолютная монархия (эмират)	исламская монархия
9	Кувейт	Передняя Азия Ближний Восток	исламское	конституционная монархия (эмират)	исламская монархия
10	Ливия	Северная Африка Магриб	исламское	парламентско-президентская республика	<i>нестабильный межконфессиональный конфликт</i>
11	Мавритания	Западная Африка Магриб	исламское	президентско-парламентская республика	диктатура военной хунты генерал Мухаммед аль-Газуани с 2019 г.
12	Малайзия	Юго-Восточная Азия	исламское	конституционная монархия (федерация)	исламская монархия
13	Мальдивы	Южная Азия	исламское	президентская республика	<i>нестабильный конфликт политических группировок</i>

№ п/п	Государство	Регион*	Тип государства	Форма правления	Политический режим
14	ОАЭ	Передняя Азия Ближний Восток	ислам- ское	федеративная абсо- лютная монархия	исламская монархия
15	Оман	Передняя Азия Ближний Восток	ислам- ское	абсолютная монар- хия (султанат)	исламская монархия
16	Пакистан	Южная Азия	ислам- ское	парламентско- президентская республика (федерация)	<i>нестабильный конфликт политических группировок</i>
17	Саудовская Аравия	Передняя Азия Ближний Восток	ислам- ское	теократическая абсолютная монар- хия (королевство)	исламская монархия
18	Сирия	Передняя Азия Ближний Восток	ислам- ское	президентско- парламентская республика	диктатура семейства Асадов с 1970 г.
19	Сомали	Восточная Африка	ислам- ское	парламентская республика (федерация)	<i>нестабильный война с исламистами</i>
20	Судан	Восточная Африка	ислам- ское	президентская республика (федерация)	<i>нестабильный этно-конфессиональный конфликт военный переворот 2019 г.</i>
21	Алжир	Северная Африка Магриб	квазиис- ламское	президентско- парламентская республика	режим личной власти президента Абдельмаджид Тebbуна с 2019 г.
22	Бангладеш	Южная Азия	квазиис- ламское	парламентская республика	электоральная демократия с 1991 г. авторитарный откат с 2017 г.
23	Иордания	Передняя Азия Ближний Восток	квазиис- ламское	конституционная монархия	авторитарная монархия
24	Коморские острова	Восточная Африка	квазиис- ламское	президентская республика	электоральная демократия с 2004 г. авторитарный откат с 2018 г.
25	Марокко	Северная Африка Магриб	квазиис- ламское	конституционная монархия	авторитарная монархия
26	Тунис	Северная Африка Магриб	квазиис- ламское	парламентская республика	электоральная демократия с 2011 г.
27	Азербай- джан	Передняя Азия Закавказье	светское	президентская республика	неоавторитарный семейство Алиевых с 1993 г.
28	Албания	Южная Европа	светское	парламентская республика	электоральная демократия с 1992 г.
29	Буркина Фасо	Западная Африка	светское	президентско-пар- ламентская респу- блика	<i>нестабильный военные перевороты</i>

№ п/п	Государство	Регион*	Тип государства	Форма правления	Политический режим
30	Гамбия	Западная Африка	светское	президентская республика	режим личной власти президента Адама Барроу с 2017 г.
31	Гвинея	Западная Африка	светское	президентская республика	диктатура президента Альфа Конде с 2010 г. военный переворот 2021 г.
32	Джибути	Восточная Африка	светское	президентская республика	диктатура президента Исмаил Гелле с 2000 г.
33	Индонезия	Юго-Восточная Азия	светское	парламентская республика	электоральная демократия с 1999 г.
34	Казахстан	Центральная Азия	светское	президентско-парламентская республика	неоавторитарный президент Касым-Жомарт Токаев с 2019 г.
35	Кыргызстан	Центральная Азия	светское	парламентско-президентская республика	неоавторитарный президент Садыр Жапаров с 2020 г.
36	Ливан	Передняя Азия Ближний Восток	светское	парламентская республика	<i>нестабильный межконфессиональный конфликт</i>
37	Мали	Западная Африка	светское	президентско-парламентская республика	электоральная демократия с 1992 г. авторитарный откат с 2012 г. <i>нестабильный, военные перевороты, война с исламистами</i>
38	Нигер	Западная Африка	светское	парламентская республика	электоральная демократия с 1999 г. авторитарный откат с 2016 г. <i>нестабильный, военные перевороты, война с исламистами</i>
39	Сенегал	Западная Африка	светское	парламентско-президентская республика	электоральная демократия с 2000 г.
40	Сьерра-Леоне	Западная Африка	светское	президентская республика	электоральная демократия с 1996 г.
41	Таджикистан	Центральная Азия	светское	президентская республика	неоавторитарный президент Эмомали Рахмон с 1994 г.
42	Туркменистан	Центральная Азия	светское	президентская республика	неоавторитарный семейство Бердымухамедовых с 2007 г.
43	Турция	Передняя Азия Южная Европа Ближний Восток	светское	президентская республика с 2017 г.	электоральная демократия с 1990 г. авторитарный откат с 2016 г. президент Реджеп Эрдоган

№ п/п	Государство	Регион*	Тип государства	Форма правления	Политический режим
44	Узбекистан	Центральная Азия	светское	президентско-парламентская республика	неоавторитарный президент Шавкат Мирзиёев с 2016 г.
45	Чад	Центральная Африка	светское	президентско-парламентская республика	диктатура семейство Деби с 1990 г.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Гарбузарова Е.Г. (2019). Ислам в государствах Центральной Азии в современный период [Garbuzarova E.G. (2019). Islam in the states of Central Asia in the modern period] // *Исламоведение*. Т. 10. №2. С. 22–31. DOI: 10.21779/2077-8155-219-10-2-22-31.
- Гиёсов М., Ризоен Ш. (2022). Один год «правления» Талибана в Афганистане [Giyosov M., Rizoen S. (2022). One year of Taliban “rule” in Afghanistan]. *Central Asian Analytical Network*. 17 августа. <https://www.caa-network.org/archives/24122> (дата обращения: 27.08.2023).
- Гришина Н.В. (2021). Мавритания: эволюция политических структур [Grishina N.V. (2021). Mauritania: the evolution of political structures] // *Учёные записки Института Африки РАН*. №3. С. 56–65. DOI: 10.31132/2412-5717-2021-56-3-56-65.
- Давидчук А.С., Дегтерев Д.А., Сидибе У. (Мали) (2021). Конфликт в Мали. Взаимоотношения основных акторов [Davidchuk A.S., Degterev D.A., Sidibe U. (Mali) (2021). Conflict in Mali. Relationships of the main actors] // *Азия и Африка сегодня*. №12. С. 47–56. DOI: 10.31857/S032150750017789-9.
- Денисова Т.А. (2021а). Военный переворот 5 сентября 2021 г. в Гвинее [Denisova T.A. (2021a). September 5, 2021 military coup in Guinea]. *Институт Африки РАН. Актуальный комментарий*. 5.10. <https://inafran.ru/node/2542> (дата обращения: 27.08.2023).
- Денисова Т.А. (2021б). Президентские выборы 2021 г. и политическая ситуация в Гамбии [Denisova T.A. (2021b). The 2021 presidential election and the political situation in The Gambia]. *ИМЭМО РАН. Африка: комментарий эксперта*. <https://www.imemo.ru/special-rubrics/africa/text/prezidentskie-vibori-2021-g-i-politicheskaya-situatsiya-v-gambii> (дата обращения: 27.08.2023).
- Долгов Б.В. (2017). Восстание в арабском мире: посе́вы и всходы. Социально-политическое развитие Туниса и стратегия «Движения Нахда» [Dolgov B.V. (2017). Uprising in the Arab world: sowing and shoots. The Socio-Political Development of Tunisia and the Strategy of the Nahda Movement] // *Азия и Африка сегодня*. №3. С. 9–16.
- Дроздов Ю.И. (2019). Социально-политическая обстановка в Королевстве Саудовская Аравия и роль внешних и внутренних факторов в ее формировании [Drozdov Yu.I. (2019). Socio-political situation in the Kingdom of Saudi Arabia and the role of external and internal factors in its formation] / *Центр стратегических оценок и прогнозов*. 14.11. <http://csf.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/340/soczialno-politicheskaya-obstanovka-v-korolevstve-saudovskaya-araviya-i-rol-vneshnih-i-vnutrennih-faktorov-v-ee-formirovanii-9016> (дата обращения: 27.08.2023)
- Другов А.Ю. (2019). Индонезия — итоги президентских и парламентских выборов 2019 года [Drugov A.Yu. (2019). Indonesia - 2019 presidential and parliamentary election results] // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. Т. II. №4(45). С. 65–85.
- Егоров И.С. (2018). Специфика формирования личности Мухаммеда VI как современного лидера и реформатора Марокко [Egorov I.S. (2018). The specifics of the formation of the personality of Mohammed VI as a modern leader and reformer of Morocco] // *Политика и Общество*. №11. С. 19–28. DOI: 10.7256/2454-0684.2018.11.23941.
- Жусипбек Галым (2017). Политический ислам в Центральной Азии после 25 лет независимости [Zhusipbek Galym (2017). Political Islam in Central Asia after 25 years of independence] // *Центральная Азия — 25. Мысли о прошлом, проекция будущего: Сб. эссе / Под ред. М. Ларюэль, А. Курманова. — Вашингтон: Университет Дж. Вашингтона*. С. 102–108.
- Зайферт Арне К. (2014). Политический ислам в Центральной Азии — противник или демократический партнер? [Seifert Arne K. (2014). Is political Islam in Central Asia an adversary or a democratic partner?] Раб. док. 25. Центр исследований ОБСЕ (CORE). — Гамбург: Институт изучения проблем мира и политики безопасности при Гамбургском университете (IFSH).

- Золотухин И.Н. (2010). Малайзия в зеркале этноконфессиональной ситуации: история и современность [Zolotukhin I.N. (2010). Malaysia in the mirror of the ethno-confessional situation: history and modernity] // *Ойкумена*. №1(12). С. 7–17.
- Ибрагимов И. (2019). Внутривнутриполитическая ситуация в Египте [Ibragimov I. (2019). Domestic political situation in Egypt]. Российский совет по международным делам. 28 марта. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vnutripoliticheskaya/> (дата обращения: 27.08.2023).
- Игнатенко А. (2000). От Филиппин до Косово [Ignatenko A. (2000) From the Philippines to Kosovo] // *Независимая газета*. 12.10. https://www.ng.ru/ideas/2000-10-12/8_islam.html?print=Y (дата обращения: 27.08.2023)
- Исаев Л. М., Коротаев А. В., Бобарыкина Д. А. (2022). Глобальная террористическая угроза в Сахеле и истоки терроризма в Буркина-Фасо [Isaev L. M., Korotaev A. V., Bobarykina D. A. (2022). The global terrorist threat in the Sahel and the origins of terrorism in Burkina Faso] // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. Т.22. № 2. С.411—421. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-411-421.
- Ислам: Энциклопедический словарь (1991). [Islam: Encyclopedic dictionary] / Отв. ред. С.М. Прозоров. — М.: Наука.
- Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Зона Сахары-Сахеля и Африканский Рог (2020). [Islamic radical movements on the political map of the modern world. Sahara-Sahel zone and Horn of Africa (2020)]. Т. IV / Отв. ред., введ., закл. И.В. Пономарев. — Москва: Институт Африки РАН.
- Кириченко В.П. (2021). Положение шиитского населения Бахрейна после событий «арабской весны» 2011 г. [Kirichenko V.P. (2021). The situation of the Shiite population of Bahrain after the events of the “Arab spring” in 2011] // *Россия и мусульманский мир*. №3. С. 9–87. DOI: 10.31249/rimm/2021.03.05.
- Котин И.Ю. (2017). «Джихад ножей» в Бангладеш: причины и последствия [Kotin I.Yu. (2017). «Jihad of knives» in Bangladesh: causes and consequences] // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. Т. 17. №4. С. 684–696. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-684-696.
- Крылов А.В. (2013). Особенности демократических реформ в Иордании [Krylov A.V. (2013). Features of democratic reforms in Jordan] // *Вестник МГИМО-Университета*. №2(29). С. 113–119. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-2-29-113-119.
- Куклин Н.С. (2021). Этапы социально-политического развития исламской общины в Индонезии: культурная самобытность и национальные особенности [Kuklin N.S. (2021). Stages of socio-political development of the Islamic community in Indonesia: cultural identity and national characteristics] // *Россия и мусульманский мир*. № 4. С. 69–85. DOI: 10/31249/rimm/2021.04.08.
- Куприянов А.В. (2018). Политический кризис на Мальдивах: причины и последствия [Kupriyanov A.V. (2018). Political Crisis in the Maldives: causes and consequences] // *Новости и события. ИМЭМО РАН*. <https://www.imemo.ru/news/events/text/politicheskiy-krizis-na-malydivah-prichini-i-posledstviya> (дата обращения: 27.08.2023).
- Малашенко А.В., Нисневич Ю.А. (2023). О перспективах демократии в мусульманском мире [Malashenko A.V., Nisnevich Yu.A. (2023). On the prospects for democracy in the Muslim world] // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 67. № 8. С. 95–109. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-8-95-109.
- Мамедова Н.М. (2018). Политическая система Исламской Республики Иран: особенности и возможности трансформации [Mamedova N.M. (2018). The Political system of the Islamic Republic of Iran: peculiarities and opportunities for transformation] // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 11. № 3. С. 152–165. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-152-165.
- Мезенцев С.В. (2021). Президентские выборы в Джибути. Обстановка в стране и прогнозы её развития [Mezentsev S.V. (2021). Presidential elections in Djibouti. The situation in the country and forecasts of its development] / Институт Африки РАН. 18.06. <https://www.inafran.ru/node/2495> (дата обращения: 27.08.2023).
- Мелкумян Е.С. (2010). Система власти в Кувейте: традиции и современность [Melkutyun E.S. (2010). The system of government in Kuwait: tradition and modernity] // *Вестник РГГУ. Серия: «Политология. История. Международные отношения»*. №1. С. 9–108.
- Мелкумян Е.С. (2018). Власть и ислам в Кувейте: поле взаимодействия [Melkutyun E.S. (2018). Power and Islam in Kuwait: a field of interaction] // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение*. №2 (12). С. 92–104. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-92-10.
- Милославская Т.П. (2010). Бруней-Даруссалам «Малайская исламская монархия» [Miloslavskaya T.P. (2010). Brunei Darussalam «Malay Islamic Monarchy»] // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. №15. С. 246–266.
- Морозова Н.Н. (2019). Король Иорданского Хашимитского Королевства Абдалла II: политический портрет [Morozova N.N. (2019). King Abdullah II of the Hashemite Kingdom of Jordan: a political portrait] // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. Т. 19. № 4. С. 690–701. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-690-701.

- Москаленко В., Топычканов П. (2013). *Сила и слабость Пакистана* [Moskalenko V., Topychkanov P. (2013). *Strength and weakness of Pakistan*]. — М.
- Наумкин В.В., Зарипов И.А., Кузнецов В.А., Орлов В.В. (2021). Стратегии выстраивания отношений между государством и исламом в России и арабском мире [Naumkin V.V., Zaripov I.A., Kuznetsov V.A., Orlov V.V. (2021). *Strategies for building relations between the state and Islam in Russia and the Arab world*] // *Minbar. Islamic Studies*. №14(1). С. 13–49. DOI: 10.31162/2618-9569-2021-14-1-13-49.
- Панов А. (2016). *Политический кризис в Гамбии и операция «Восстановление демократии»* [Panov A. (2016). *The Political crisis in the Gambia and operation «Restore democracy»*] / Актуальный комментарий. Институт Африки РАН. <https://www.inafran.ru/node/1312> (дата обращения: 27.08.2023)
- Саватеев А.Д., Хайруллин Т.Р. (2019). Дерадикализация исламизма: опыт Саудовской Аравии [Savateev A.D., Khairullin T.R. (2019). *Deradicalization of Islamism: The Saudi Arabian experience*] // *Ислам в современном мире*. №15(3). С. 165–180. DOI: 10.22311/2074-1529-2019-15-3-165-180.
- Садовская Л.М. (2017). *Власть и оппозиция в африканском обществе в конце XX — начале XXI вв. (на примере Сенегала и Кот-д’Ивуара)* [Sadovskaya L.M. (2017). *Power and opposition in African society in the late XX — early XXI centuries (on the example of Senegal and Côte d’Ivoire)*]. — М.: Институт Африки РАН.
- Садовская Л.М. (2022). *Военный переворот в Буркина Фасо* [Sadovskaya L.M. (2022). *Military coup in Burkina Faso*] / Актуальный комментарий. Институт Африки РАН. 1.03. <https://www.inafran.ru/node/2631> (дата обращения: 27.08.2023).
- Сапронова М.А. (2015). Избирательная система Сирийской Арабской Республики [Sapronova M.A. (2015). *Electoral system of the Syrian Arab Republic Modern*] // *Современные избирательные системы*. Вып. 10. Италия, Малайзия, Перу, Сирия / Ред. А.В. Иванченко, В.И. Лафитский. — М.: РЦОИТ. С. 343–454.
- Сергеев В.М., Саруханян С.Н. (2012). Модернизация и политический ислам в Турции [Sergeev V.M., Sarukhanyan S.N. (2012). *Modernization and political Islam in Turkey*] // *Полития*. №4(67). С. 34–151. DOI: 10.30570/2078-5089-2012-67-4-134-151.
- Турьинская Х.М. (2020). *Парламентские выборы 2020 г. на Коморах: федерализм и централизация* [Turinskaya Kh.M. (2020). *Parliamentary elections 2020 in the Comoros: federalism and centralization*]. Актуальный комментарий. Институт Африки РАН. 30.03. <https://www.inafran.ru/node/2190> (дата обращения: 27.08.2023).
- Федорченко А. (2013). Межконфессиональные противоречия в Саудовской Аравии: «шиитский вопрос» [Fedorchenko A. (2013). *Inter-confessional contradictions in Saudi Arabia: «Shia issue»*] // *Международная жизнь*. №6. <https://interaffairs.ru/jauthor/material/888> (дата обращения: 27.08.2023).
- Филиппов В.Р. (2013). «Семь республик» Нигера [Filippov V.R. (2013). *«Seven republics» of Niger*] // *Азия и Африка сегодня*. №5(670). С. 47–52.
- Хайруллин Т., Коротаев А. (2016). Ислам, Партия арабского социалистического возрождения и Конституции 1973 и 2012 гг. [Khairullin T., Korotaev A. (2016). *Islam, Arab socialist renaissance party and the Constitutions of 1973 and 2012*] // *Право и управление. XXI век*. № 2(39). С. 40–46.
- Чиркин В.Е. (2014). Конституция Египта 2014г. [Chirkin V.E. (2014). *Egyptian Constitution 2014*] // *Государство и право*. № 6. С. 90–97.
- Rounaq J. (2014). *Political parties in Bangladesh*: CPD-CMI Working Paper 8. Centre for Policy Dialogue (CPD) Chr. Michelsen Institute (CMI).
- Voll J.O., Sonn T. (2009) *Political Islam* / Oxford Bibliographies. <https://www.oxfordbibliographies.com/display/document/obo-9780195390155/obo-9780195390155-0063.xml> (access date: 27.08.2023)

Нисневич Юлий Анатольевич

jnisnevich@hse.ru

Yuliy A. Nisnevich

Doctor of Political Sciences, professor of Department Policy and Management National Research University Higher School of Economics (Moscow)

jnisnevich@hse.ru

POLITICAL ISLAM IN THE MUSLIM WORLD

Abstract. The article is devoted to the study and analysis of the influence of political Islam on the political situation in the Muslim world. It is shown that the influence of political Islam in the field of politics of the Muslim world is limited, but the influence of the terrorist activities of radical Islamic groups and organizations should not be underestimated. Radical, traditional and moderate political Islam directly affects the political situation only in thirteen Islamic states with stable ruling regimes, as well as in secular Turkey. At the same time, in all these states, except for the theocratic Islamic dictatorships - Afghanistan and Iran, as well as the Emirate of Qatar, the authorities severely suppress any manifestations of radical political Islam. In twenty quasi-Islamic and secular Muslim states, political Islam does not have a significant impact on the political situation and processes. In some states of this part of the Muslim world, the authorities are forced to actively combat the cross-border terrorist activities of radical Islamic organizations. In almost a quarter of the states of the Muslim world, the political situation is currently unstable, which does not allow us to fully adequately assess the influence of political Islam in these states.

Keywords: *political Islam, Muslim world, Islamic, quasi-Islamic and secular Muslim states, radical Islamic organizations.*

JEL: F02, F50, F54.